

ТУШЁНКА. ОСОБАЯ

АНТОН СЕЛИВЁРСТОВ

АНТОН Селивёрстов
Тушёнка. Особая.

«Автор»

2026

Селивёрстов А.

Тушёнка. Особая. / А. Селивёрстов — «Автор», 2026

Капитан Рябинин находит на складе обычную банку тушёнки — с одним отличием: она теплеет, когда он думает о войне, погибших товарищах и неотданных долгах. Банка становится маяком, ведущим его в мир, где желание — твёрдая валюта, а Морана, богиня застоя, принимает его как добровольный дар. Чтобы спасти друга, Рябинину придётся разобраться в прошлом, которое он двадцать лет носит в себе: в землянке сорок третьего, в чужих ботинках, поставленных на снег, в словах, сказанных шёпотом перед атакой. Но Морана не ворует желания. Она ждёт, пока человек устанет хотеть — и отдаст их сам. За её холодным обещанием покоя стоят очереди у гастрономов, люди с пустыми глазами и тридцатилетнее молчание того, кто стал замком для чужого имени. Мрачная Москва середины века, магия, вплетённая в советский быт, и история о памяти, жертве и цене выбора. Для тех, кто помнит, что «хотеть» и «помнить» — не одно и то же.

© Селивёрстов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. БАНКА	5
Глава 1. СКЛАД	6
Глава 2. МИШКА	8
Глава 3. БАНКА ДОМА	10
Глава 4. ОЧЕРЕДЬ	12
Глава 5. ВСТРЕЧА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Антон Селивёрстов Тушёнка. Особая.

ГЛАВА 1. БАНКА

Глава 1. СКЛАД

Склад встретил Рябина запах карболки, бумажной пыли и сладковатой гнили подмороженных корнеплодов.

Он переступил порог, прижимая рукав шинели к носу. Лампа под потолком мигала, никак не решаясь то ли перегореть, то ли разгореться. Стеллажи уходили в темноту рядами – железные, крашенные суриком, с инвентарными номерами на табличках. Отопление дали по норме две недели назад: включили и забыли. Из рта шёл пар.

Рябинин стоял, растирая ладони. Пальцы уже начали деревенеть – всегда первыми. В сорок пятом он мог сутками идти по болоту в разбитых сапогах и не чувствовать холода. Теперь час на сквозняке – и металлический сустав в колене начинал скрипеть, отдаваясь в бедро тупым, нудным ударом. Он носил протез десять лет и до сих пор не привык. Не к боли – к звуку. Каждый шаг напоминал: ты не целый.

Он достал папиросу, сунул в зубы, но закуривать не стал – не на складе. Просто держал, чтобы рот был занят.

Тушёнка была изъята. Месяц назад на Тушинском рынке опергруппа взяла ящик. Половина банок оказалась левой – документы липовые, печати размытые, накладные выписаны на несуществующий мясокомбинат. Начальник брызгал слюной, тыкал пальцем в сводку: «Это хищение социалистической собственности, капитан! Ты понимаешь, что это значит?» Рябинин понимал. Он кивал и думал: «Дайте мне время. Просто дайте время, и я найду, откуда она взялась». Это дело было последним, которое у него не забрали. Всё остальное уже передали молодым – тем, у кого обе ноги целы и партбилет без взысканий.

Он вздохнул и принялся перебирать жестянки.

Рука двигалась машинально: взять, осмотреть, перевернуть. «Говядина тушёная». Этикетка, штамп, дата. Следующая. «Говядина тушёная». Штамп смазан. Ещё одна. Рябинин работал молча, только протез поскрипывал, когда он переносил вес на больную ногу. Холодные, все как одна. Пальцы уже почти ничего не чувствовали. Он согрел ладони дыханием – пар осел на костяшках, – потянулся за очередной банкой и замер.

Пальцы кольнуло теплом.

Рябинин отдернул руку. Подождал. Снова коснулся металла. Точно, тёплая.

Не от батареи – батареи вдоль стен еле грели, да и стояли они в другом конце склада. Не от солнца – склад был подвальный, без окон. Банка была тёплой сама по себе, будто её только что держали в ладонях.

Он поднёс её к глазам. Этикетка – «Особая». Шрифт чуть мелковат. Бумага наклеена с едва заметным смещением – на миллиметр левее, чем положено. Так бывает, когда клеит не машина, а человек. Или не человек. На жестяной поверхности выступили капельки конденсата, хотя воздух на складе был сухой, как бумага.

Старая сапёрская чуйка заворочалась внутри. Та самая, которая просыпалась перед миномётным обстрелом, ещё до первого свиста. Он сунул банку в карман шинели и зашагал к выходу, стараясь не думать, что металл в кармане продолжает пульсировать.

В кабинете пахло дешёвым табаком и ещё чем-то – казённым, неуловимым. Рябинин сел за стол, не снимая шинели, выудил банку. Холодная. Уже остыла. Он повертел её в руках, потрогал шов, понюхал. Ничего. Обычная жестянка.

Закурил наконец. Дым поплыл к потолку.

В голову полезли ненужные обрывки. Мишка. Вечно голодный, вечно что-то выменивал – то хлеб на махорку, то махорку на спирт, то спирт на чьё-то расположение. Живой, как огонь. Рябинин дернул уголком рта – улыбкой это не было. Просто привычка.

И вдруг банка в пальцах потеплела.

Чуть-чуть. Совсем слабо. Он уставился на неё, потом потрогал ещё раз. Холодная. Но осадок остался – будто и правда было тепло, только он не успел ухватить.

Он погасил папиросу и вышел в коридор.

В конце коридора, у лестницы, воздух стал холоднее. Пахло озоном – так пахнет перед грозой, только грозы в ноябре не бывает. Бедро дёрнуло резкой болью, и банка в кармане ощутимо нагрелась. Не слабо – по-настоящему, как грелка.

«Вот же дрянь», – подумал он устало.

Постоял, глядя в темноту лестничного пролёта. Ничего не происходило. Лампочка под потолком ровно горела. Где-то далеко хлопнула дверь. Банка остыла.

Он вышел на улицу. Мокрый снег ударил в лицо, сразу залепил воротник. Рябинин зашагал к трамвайной остановке, сжимая банку в кармане. Протез скрипел на каждом шагу. Снег под ногами не скрипел – чавкал. Ноябрь в Москве был никакой: не осень, не зима, просто серое месиво под ногами и пар изо рта.

У трамвая он остановился в нерешительности. Домой? Или к Мишке?

Мишка жил на Арбате, в подвале, где вечно пахло табаком и сахаром. Они не виделись месяца три. Рябинин всё откладывал – дела, сводки, отчёты. А теперь банка жгла карман.

Он потянулся за папиросой. И в этот момент жестянка снова коротко нагрелась – будто кто-то внутри неё на секунду приоткрыл глаза и снова закрыл.

«Значит, к Мишке», – сказал он себе и пошёл к метро.

В комнате, куда он вернётся только к ночи, на гвозде у двери висел старый ключ с узором-лабиринтом на бородке. Металл на секунду потеплел – и снова остыл. Но этого Рябинин уже не видел.

Глава 2. МИШКА

Воспоминание пришло, как всегда, без спроса.

Рябинин спускался по лестнице, держась за перила – протез скрипел на каждом шагу, – и вдруг коридор исчез. Вместо серых стен всплыл запах: нагретой хвои, мокрой шинели и сладковатого, почти забытого дыма от печки-буржуйки. Запах сорок третьего года.

Ему было двадцать два. Он ещё не был капитаном, не носил протеза, не знал, что такое боль в несуществующем колене. Он просто сидел на ящике из-под снарядов в землянке под Можайском и смотрел, как Мишка Кривой разливает по кружкам мутный самогон.

– Ты, Тёма, лицо попроще сделай, – сказал Мишка. – А то сидишь, будто тебя уже похоронили.

Рябинин усмехнулся. Улыбка вышла кривая.

– Я не умею попроще.

– Вот и плохо. Попроще надо. Война любит простых.

Мишка был чёрный, как смоль, худой, с вечно голодными глазами. Он не сидел на месте ни минуты: то подкручивал фитиль в печке, то пересыпал махорку из кармана в кiset, то вдруг замирал и слушал, как далеко, за лесом, ухает артиллерия. Он всё делал быстро – говорил, думал, двигался. Только когда разливал самогон, руки его замедлялись, становились почти ласковыми. Ни капли мимо.

– Слышь, Тёма, а вот скажи: если б ты знал, что завтра – всё, чего бы ты хотел? Прямо сейчас. Не вообще по жизни, а вот сейчас.

Рябинин пожал плечами. Он не думал о «хотеть». Он думал о том, что левый сапог прохудился, а завтра в наступление. Что патронов маловато. Что письмо от матери пришло с опозданием на месяц.

– Не знаю. Жрать хочу.

– Жрать – это не хотеть. Жрать – это надо. Я тебя про другое спрашиваю.

– А ты?

Мишка замолчал. Кружка в его пальцах замерла. Он смотрел на огонь, и в глазах его – карих, быстрых – на секунду мелькнуло что-то, чего Рябинин не понял тогда и понял только через двадцать лет.

– Я бы хотел, чтобы ты выжил, – сказал Мишка. – Глупо, да? Ты не баба, чтобы тебя спасать. Но вот хочу – и всё.

Рябинин хотел ответить что-то – резкое, мужское, вроде «сам выживу», – но не успел. За пологом землянки охнуло, потом свистнуло, и мир встряхнуло так, что печка подпрыгнула.

Они выскочили наружу в серый рассвет.

Снег был чёрный от гари. Деревья стояли сломанные, как спички. Рябинин бежал, проваливаясь в воронки, и левый сапог окончательно развалился на ходу. Он упал. Поднялся. Снова упал.

Мишка оказался рядом – откуда, непонятно. Схватил за ворот, рывком поставил на ноги.

– Сапог, – сказал Рябинин.

Мишка глянул вниз. Потом – на свои ноги. На нём были ботинки. Кожаные, на шнуровке, почти новые. Он снял их молча. Быстро – так же быстро, как разливал самогон. Поставил перед Рябининым.

– Надевай.

– У тебя валенки есть?

– Есть.

– Врешь.

– Вру. Надевай.

Рябинин знал, что врёт. Знал – и надел. Ботинки были тёплые. Не от подошвы – от Мишкиных ног.

Они добежали до траншеи. Налёт кончился. Немцы ушли левее. Рябинин сидел на корточках и смотрел на свои ноги, обутые в чужую кожу. Мишка стоял рядом, босиком на снегу, и курил. Пальцы на ногах уже побелели.

– Дурак ты, – сказал Рябинин.

– А то.

– Я тебе эти ботинки верну.

– Сочтёмся.

Рябинин вернул. Через двадцать лет, во дворе на Пресне, когда Мишка отдал ему другие ботинки – «Прощай молодость». Но этого он тогда не знал. Он просто сидел в траншее в чужих ботинках и думал, что должен запомнить этот момент. Навсегда. И запомнил.

Глава 3. БАНКА ДОМА

Ключ на гвозде у двери встретил его холодным блеском.

Рябинин вошёл, не снимая шинели, привалился плечом к косяку и выдохнул – длинно, с присвистом, будто сбрасывал с плеч весь день. Комната была маленькая, шестнадцать квадратных метров, но для одного – достаточно. Железная кровать, застеленная суконным одеялом. Стол у окна. Стул с продавленным сиденьем. Платяной шкаф, крашенный белой краской, давно пожелтевшей до цвета топлёного молока. На подоконнике – банка с засохшей геранью. Электрическая лампочка под потолком горела тускло, в полнакала.

Он снял шинель, повесил на спинку стула. Протез скрипнул, когда он наклонился расшнуровывать ботинки. Левый, здоровый, он снял сразу. Правый – осторожно, двумя руками, придерживая голенище. Культия ныла, кожа под манжетой протеза покраснела и взмокла. Рябинин потёр её ладонью, поморщился. В сорок пятом санитар сказал: «Привыкнешь». Он привык. Но не к боли – к тому, что боль никогда не уходит.

Босой, припадая на здоровую ногу, он подошёл к столу и выложил из карманов всё.

Банка. Тёплая? Нет. Он коснулся её пальцем – холодная, как и час назад в кабинете. Сахар в серой бумажке, последний кусок. Коробок спичек. Мятая пачка «Беломора». Записная книжка в кожаной обложке, затёртая по сгибу. Обломок ключа – тот самый, что Мишка сунул ему в подвале. И ботинки «Прощай молодость», которые он так и не решился оставить дома.

Он разложил предметы в ряд, как делал всегда – привычка сапёра: всё, что есть, должно быть перед глазами. Банку поставил отдельно, на край стола. Она стояла ровно, не двигалась, не пахла. Обычная жестянка. И всё же в комнате с её появлением что-то изменилось.

Рябинин закурил. Дым потянулся к потолку, завис серым слоем. За окном – ноябрь, мокрый снег, редкие шаги прохожих. Он смотрел на банку и думал о Мишке.

Двадцать лет. Седой. Руки дрожат. И глаза – те же, быстрые, живые, будто не было этих лет, будто они вчера сидели в землянке и разливали самогон. «Я бы хотел, чтобы ты выжил», – сказал Мишка тогда. И выжил. Оба выжили. Только Мишка теперь носил в себе занозу по имени Морана, а Рябинин – тёплую банку в кармане шинели.

Он потушил папиросу и лёг, не раздеваясь.

Сон пришёл быстро – тяжёлый, вязкий, без картинок. Ему снился снег. Чёрный снег под Можайском, воронки, полные воды, и Мишка, стоящий босиком. Только теперь Мишка не курил – он смотрел на Рябинина и молчал. Губы шевелились, но звука не было. Рябинин хотел спросить: «Ты что?» – и не мог. Хотел подойти – ноги не слушались. А Мишка всё стоял и смотрел, и глаза его были уже не карие, а белые, как лёд.

Рябинин проснулся в темноте.

Кровь застучала в висках, отдаваясь тупой болью в протезе. Металлический сустав отбрасывал на стену уродливую тень. За окном – тишина. Он сел, свесил здоровую ногу, потянулся за водой.

Банка светилась.

Он замер. Не светилась – нет. Но от неё шло тепло. Слабое, едва уловимое, как от углей, присыпанных золой. И на жестяной поверхности проступил узор – тонкие линии, выющиеся, как корни или как вены. Они пульсировали в ритме, который Рябинин не слышал, но чувствовал. В висках. В кончиках пальцев. В том месте, где когда-то была нога.

– Ты кто? – спросил он шёпотом.

Банка не ответила. Узор погас. Тепло ушло. Только холодный металл и тишина.

Рябинин сидел, глядя на неё, до самого рассвета.

Утром он встал, умылся ледяной водой из крана, побрился. Надел шинель. Банку сунул в карман – она была холодна как смерть. Сахар переложил поближе к сердцу. Ключ на гвозде

у двери – старый, с узором-лабиринтом – коротко нагрелся, когда он проходил мимо. Рябинин не заметил.

Он вышел на лестничную клетку и зашагал к метро, чтобы ехать на Таганку. Сегодня он начнёт с гастронома. С очереди. С людей, которые, может быть, видели «Особую» раньше него.

В комнате, куда он вернётся только к ночи, остались лежать на столе: мятая пачка «Беломора», спички, записная книжка. И ботинки «Прощай молодость», аккуратно составленные под стулом. Они ждали своего часа

Глава 4. ОЧЕРЕДЬ

Таганка встретила его мокрым снегом и гомоном. Очередь у гастронома начиналась от самых дверей, огибала угол и уходила вдоль серой стены к трансформаторной будке. Стояли плотно – плечом к плечу, как в окопе. Пахло мокрыми валенками, кислой капустой, карболкой из подворотни и ещё чем-то неуловимым – тем, чем пахнет только московская очередь в ноябре: смесью терпения и усталости.

Рябинин пристроился с краю, не влезая в строй. Он не за колбасой. Он по делу.

– Женщина, извините, – он тронул за рукав тётку в сером платке. – Тушёнку «Особую» не видели?

Тётка дёрнула плечом.

– С пяти стою, а эта с ночи, – и кивнула на старуху у самых дверей. – Спроси у неё. Может, скажет. А может, и нет.

Старуха стояла как вкопанная. Вцепилась в авоську побелевшими пальцами, глядя прямо перед собой. Глаза – пустые, будто она не в очереди стоит, а ждёт чего-то, чего сама не помнит.

Рябинин двинулся к ней, но не дошёл – заметил его.

Мужик в драповом пальто и ушанке стоял посреди толкотни не двигаясь. Люди толкались, наступали друг другу на ноги, переругивались, а он будто врос в землю. Пальто на два размера больше, рукава обтрёпаны. И ушанка. Странная ушанка – с кармашками. Маленькими, как для часов или мелочи, нашитыми поверх сукна. Кармашки топорщились и, казалось, шевелились сами по себе. В одном что-то блеснуло – не монета, а будто крошечная фотография.

Рябинин моргнул. Кармашек дёрнулся снова.

Мужик обернулся, будто ждал, что Рябинин на него посмотрит. Лицо стёртое – черты ускользали, как у человека, которого пытаешься вспомнить и не можешь. Один глаз карий, живой, с искрой. Другой зеленоватый, мутный, как тина в стоячей воде.

– Капитан, – сказал мужик. Голос тихий, но Рябинин услышал его сквозь шум очереди. – Сахар у тебя в кармане. И банка. Греется.

Рябинин замер.

– Откуда знаешь?

– Я сборщик. Слухи собираю. И желания. А ты чего хочешь, капитан?

– Хочу знать, откуда взялась «Особая».

Сборщик качнул головой. Кармашки на ушанке колыхнулись, будто внутри них что-то перевернулось во сне.

– Нет, не то. Ты хочешь, чтобы твой друг Мишка был жив. И он жив. Пока.

У Рябина пересохло во рту.

– Ты кто?

Сборщик склонил голову набок. Кармашки на шапке разом приоткрылись – на долю секунды. Пахнуло прелым, могильным духом, смешанным с чем-то сладковатым, как старые духи. Внутри мелькнули крошечные лица – или это просто показалось. Рябинин отшатнулся, но взял себя в руки. Рука сама легла на карман, где лежала банка.

– Не лезь в Измайлово, капитан. Пока.

– Почему?

– Потому что ты ещё не готов. Ты хочешь спасти. А там нужно не спасать. Там нужно помнить. Разницу чувствуешь?

Рябинин молчал.

– Вот и я не знал. Пока не поздно было.

Сборщик отступил на шаг – и вдруг исчез. Не растворился в воздухе, не ушёл – просто перестал быть на этом месте. Только снежная крупа покружила и легла на асфальт.

Старуха у дверей перекрестилась. Тётка в сером платке посмотрела на Рябинуна круглыми глазами и отвернулась.

Он выругался сквозь зубы. Достал блокнот, огрызок карандаша и принялся зарисовывать шапку сборщика – форму ушанки, количество кармашков, как они сидели. Шесть штук. Разные по размеру. Один на макушке, два на левом ухе, три на правом. Зачем – непонятно. Но в сапёрном деле детали решают всё.

Сунул блокнот в карман. Развернулся и пошёл прочь.

У выхода из переулка стоял парень в милицейской форме – совсем мальчишка, лет девятнадцати, с белыми ресницами и румянцем на щеках. Он явно кого-то ждал и, увидев Рябинуна, вытянулся.

– Товарищ капитан! Велено передать. Чайная «Уют», Пресненский вал. Спросите Зинаиду. По сахару.

Рябинин остановился.

– Кто велел?

– Седой в драповом пальто. И старуха с рынка. Они вместе сказали.

– Вместе?

– Так точно. Я сначала подумал – померещилось. А они стоят рядышком и говорят хором. Жутко.

Рябинин взял бумажку. Корявый почерк, адрес, два слова: «По сахару». Одна записка. Два отправителя. Это уже не совпадение, а система.

Он сунул записку в карман – туда, где лежал так и не отданный сахар, – и зашагал к метро, чтобы ехать на Пресню. По сахару.

Глава 5. ВСТРЕЧА

Двор на Пресне встретил его тишиной.

Снег здесь лежал нетронутый – не чавкал под ногами, а глухо скрипел. Дома обступали двор с трёх сторон – старые, кирпичные, с облупившейся штукатуркой. Четвёртую сторону замыкала пожарная лестница, уходившая ржавыми маршами к самой крыше. Посередине двора, там, где летом, наверное, играли дети, стояла банка.

Рябинин увидел её сразу.

«Особая». Вмёрзшая в лёд. Стояла на вытоптанном пятке, будто её поставили по центру стола – смотрите, мол, кто придёт. Пар от дыхания застилал глаза. Он подошёл медленно, припадая на протез. Наклонился. Протянул руку.

Пальцы коснулись жести.

И банка треснула.

Не взорвалась – именно треснула, как скорлупа. Из тонкой извилистой щели потекла тёмная, маслянистая жидкость. Густая. Без запаха. Она не замерзала на морозе. Протез дёрнуло резкой болью – от бедра до колена, будто кто-то ударил молотком по металлическому суставу.

– Ты всегда сначала трогаешь, а потом думаешь?

Голос сверху. С пожарной лестницы, с площадки второго этажа, спрыгнул человек. Приземлился мягко, по-кошачьи, хотя был немолод и грузноват. Седой. В драповом пальто не по размеру – рукава короткие, плечи топорщатся. Руки дрожали. Но глаза – быстрые, живые, с прежней искрой.

– Мишка.

– Тёма.

Двадцать лет. Рябинин помнил его чёрным, как смоль. Чёрные вихры, чёрные брови, вечная щетина. Теперь – седой. Лицо заострилось, кожа обтянула скулы. Но глаза те же. Те самые, что смотрели на него из землянки под Можайском, когда Мишка разливал самогон и спрашивал: «Чего бы ты хотел?»

Они сели на ступеньки пожарной лестницы. Мишка закурил. Руки у него дрожали, и спичка ломалась дважды, прежде чем зажглась.

– Ты зачем здесь? – спросил Рябинин.

– За банкой. А ты?

– За тобой.

– Значит, оба опоздали. – Мишка кивнул на треснувшую банку. – Это метка. Морана теперь знает, что ты здесь.

– Вараксин уже знает?

– Знает, что ты здесь. Про метку – нет. Вараксин думает, что я всё ещё на поводке.

– Врешь ему?

– Вру.

– Хорошо. Значит, ещё жив.

Мишка затянулся, глядя в сторону.

– Слышь, Тёма. У меня внутри – как патефон. Игла ходит по одной дорожке. «Приведи. Приведи». Я утром встаю – она уже играет. Я чай пью – она громче. Я тебя увидел – заело.

– Что заело?

– «Приведи». Слово выпало. – Он покрутил папиросу в пальцах. – Я пока переключаю. Сам. Но пластинка-то крутится. И когда-нибудь игла соскочит.

Рябинин молчал.

– Ты спросил, зачем я здесь. Я здесь, потому что ты – моя запасная игла. Сломаюсь – ты поставишь другую пластинку. Или просто выключишь патефон.

– Я сапёр. Своих не бросаю.

– Вот и дурак. – Мишка улыбнулся криво. – Но я на это и рассчитывал.

Рябинин смотрел на него. Двадцать лет. Седой. Руки дрожат. Пальцы, которые когда-то разливали самогон без единой капли мимо, теперь не могли удержать папиросу. Но внутри – тот же Мишка. Тот, что снял ботинки и пошёл босиком по снегу. Тот, что сказал: «Я бы хотел, чтобы ты выжил». И вот он сидит рядом, живой, и просит о том же самом – только теперь наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.